Из фронтовой жизни

ЛЕОНИД СОБОЛЕВ

ДОРОГАМИ ПОБЕД

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ОБОРОНЫ
МОСКВА — 1944

1. ЛИЦО РОДНОЙ ЗЕМЛИ

Мы летели в Одессу.

Самолет идет над огромными просторами освобожденной нашей земли. Под крылом следы войны, истерзавшей за эти два года русскую землю. Вся она — в круглых желтых язвах орудийных окопов, в глубоких, извилистых порезах траншей, в толстых шрамах противотанковых рвов, в густой сыпи воронок от мин, бомб, снарядов. Сменяя друг друга, проходят внизу города с зияющими пустырями разрушенных кварталов, с обугленными коробками домов без крыш. Чернеют сожженные деревни. Страшным видением, от которого сжимается сердце, проходят справа развалины Днепрогэса... Горько и больно видеть лицо родной земли, изуродованное войной.

Сколько человеческого труда, таланта и надежд было вложено в эти заводы, села и города, сколько светлой мечты о свободной и привольной жизни! — и всё это разрушено, разломано, сожжено. И сколько человеческого страдания, которого не увидишь глазом, осело на этой земле, где прошел немец — палач, убийца и разрушитель, уничтожитель всякой жизни и свободы...

Мысль отказывается найти меру возмездия.

Если кто устал в лишениях военного времени, если кого тяготит трудная жизнь третьего года войны, — я хотел бы, чтобы он вот так, с самолета, где быстрый полет сжимает пространства и откуда глаз охватывает всё разом, увидел бы эти огромные просторы разоренной земли, залитые человеческой скорбью, увидел бы эти города — и следы городов, деревни — и золу деревень. Я хотел бы, чтобы он угадал в этих развалинах бледные призраки умерщвленных немцами наших людей, подумал бы о пропавших и разлученных семьях, о детях, бесследно исчезнувших на дорогах войны, о нашей молодежи, уведенной отсюда в рабство. Всё трудное тогда покажется ему легким и выполнимым. Огромная ненависть к врагу, причине этого зла и беды, придаст ему силы. Всё можно сделать, увидев это.

Говорят, мы — русские — отходчивы и добросердечны, мы легко забываем причиненное нам зло. Этого зла забыть нельзя. О нем надо помнить всегда и везде — в окопе и в атаке, на заводе и в поле, в школе и в семье, на работе и во сне. О нем надо будет помнить и в день окончательной нашей победы. Нашего счета фашистской Германии не смогут оплатить до конца ни она сама, ни связавшиеся с нею государства, ибо чем можно оплатить драгоценные жизни людей наших! Но пусть немцы и те, кто разрушал вместе с ними, годы и годы исправляют все беды, причиненные ими нашим городам, нашей земле. Это

они смогут сделать — и это они обязаны сделать!

Чем далее к югу, тем прозрачней и ярче синева неба. Дружная весна подняла всходы. Зелеными коврами лежат внизу поля, влажной, прелой чернью темнеют массивы поднятой зяби. Ползут по узким полевым дорогам тракторы, и кто-то машет платком пролетающему самолету. Жизнь — неистребимая, неуничтожаемая жизнь — кипит на полях и преображает землю. И удивляешься — какая огромная силища живет в нашем народе! В пламени войны, рядом со сгоревшей хатой, в лишениях и в горе, едва вернувшись на родные места, он уже трудится в поле, взращивая хлеба для нашей страны, для ее армии, для ее победы.

Нельзя сломить страну, в которой труд идет по пятам боя вплотную, как вплотную за огневым валом артиллерии идет в атаку солдат. Нельзя победить страну, в которой сила народа, как живая вода в сказке, одним касанием возвращает жизнь убитой врагом земле. Такой народ и такая страна непобедимы.

Невыразимо — слепительно, торжественно и спокойно — сверкнуло в глаза широкое Черное море. Мы летим вдоль берега на Очаков, и совсем другая земля проплывает внизу. Не видно мягкой черноты вспашки, узкими, редкими полосками идут бедные посевы, пусты и заброшены поля. Здесь недавно были немцы. Лишь глубокие царапины траншей бегут вдоль крутого берега моря. Так и кажется: стоял здесь немец, стоял, втиснув

в нашу землю шипы подкованных своих сапог, пока не ударили его сокрушительным ударом под подбородок, — и тогда он упал, поскользнувшись и исцарапав землю обеими подошвами.

И вот мы подлетаем к Одессе.

Узкими, длинными озерами блестят внизу лиманы — Куяльницкий, Андреевский, Хаджибейский, проходят Лузановка, Григорьевка, Крыжановка, бидна Пересыпь...

Как странно видеть линию нашей обороны с самолета. Тогда, в осаде, нам казалось, что она страшно далеко от города — целых двенадцать километров! Мы гордились этим и радовались этому. Теперь, с самолета, видно, что кольцо обороны было угрожающе близко, вплотную к городу. И уже не понимаешь, как смогли защитники Одессы держаться за ней более двух месяцев.

Оборона была создана за несколько дней, в боях, под снарядами, минами и бомбами врага. На фронт вышли части Приморской армии, Чапаевская дивизия под командованием генерал-майора И. Е. Петрова и моряки одесской базы. Здесь не за что было зацепиться, — ровная, как блюдо, степь, в которой разбросаны редкие пригорочки да торчат посадки из акаций и кустов. В степи, без укрытий, в наспех вырытых окопах, защитники Одессы остановили врага и держали его шестьдесят девять дней.

Мы пролетаем над Жеваховой горой. Румыны стремились взять ее, чтобы стрелять по Одессе прямой наводкой. На этом участке в начале авгу-

ста их остановил Первый морской полк. Его создал из моряков порта, базы, аэродрома, батарей и кораблей бывший матрос крейсера «Рюрик», дравшийся еще на Урале и на Волге в гражданской войне, — командир Одесского военного порта полковник Яков Иванович Осипов. Моряки полка отбросили румын бешеной и яростной морской атакой, и здесь, в Одессе, родились прозвища «черная туча», «черные дьяволы». Так назвали румыны морскую пехоту, и отсюда пошло это прозвище гулять по всем фронтам, где только встречал враг морскую пехоту.

Дрогнуло сердце — внизу аккуратным прямым углом видна знакомая посадка у Ильичевки. Самолет проходит низко, и видно, что акации ее и кустики покрыты густой зеленью. Тогда, в осаде, я не нашел здесь ни одного целого листочка: все они были сбиты, простреляны, сорваны металлическим дождем осколков и пуль. Три недели сидел здесь в окружении третий батальон осиповского полка моряков, отбиваясь от двух пехотных и одного артиллерийского полка румын.

Обрыв берега у Григорьевки... Сюда с кораблей высадился десант моряков — Третий морской полк. Отсюда повезли моряки в Одессу отбитые ими орудия немецкой батареи, обстреливавшей порт, и на длинном черном стволе каждой пушки одесситы читали выразительную надпись: «Она стреляла по Одессе — больше не будет»...

Самолет делает круг, отыскивая аэродром. Внизу проплывают места боев Приморской армии: Даль-

ник, Татарка, Сухой лиман, линия старых окопов, еще узнаваемая. На ней держались красноармейцы, не сделав ни шагу назад, пока оборона Одессы в общем ходе войны не перестала иметь значение. Вплотную к линии бывшего фронта в расцветающих садах Люстдорфа и предместий можно угадать взорванные нами морские береговые батареи Куколева, Шкирмана, Никитенко. Они были костяком обороны, метким и сильным своим огнем срывая атаки румын, уничтожая их тылы, поддерживая наши контратаки. Трижды за время осады сменили их орудия стволы. При оставлении Одессы морские батареи более суток вели по румынам ураганный беспрерывный огонь. У тех создалось впечатление, что мы готовим грандиозную атаку. Под гул этих орудий в порту шла посадка войск на транспорты. Утром 17 октября моряки, расстреляв весь боезапас, взорвали батареи и ушли в море на шлюпках. Свыше суток румыны боялись поднять головы. Только на следующий день они вошли в город. Это румыны называли: «Мы взяли Одессу штурмом...»

Навсегда запомнился мне тот солнечный октябрьский день 1941 года в осажденной Одессе, когда в новом — зловещем — звучании услышал я родное, с детства любимое слово «Севастополь».

Это было в самый тяжелый период начала войны. Немецкие полчища подходили к Москве. На севере они вплотную осадили Ленинград. Здесь, на юге, их армии подкатились к Мариуполю и Таганрогу, стучались в Перекоп, и угроза Крыму

стала реальной. Одесса осталась в глубочайшем тылу врага. Севастополь, который сам готовился к обороне, уже не мог снабжать ее боеприпасами. Родина, напрягавшая все силы на огромном фронте, где на каждом участке шли тяжелые бои, не могла присылать резервов ни в Крым, ни в Севастополь. Каждый воин был на счету, и каждый воин был нужен в Крыму, в Севастополе.

Едва мы отметили двухмесячный юбилей обороны Одессы, как я узнал о том, что Приморская армия, наши морские полки и корабли эвакуируются в Крым для защиты Севастополя. Приказ Верховного Главнокомандования отзывал нас в Крым.

Одесса сделала всё, что требовала от нее Родина. Шестьдесят девять дней она оттягивала на себя двадцать дивизий врага и могла бы держать их и дольше, если бы Крыму не угрожала опасность. Половину румынской армии перемолола в боях Одесса, — и всю бы уничтожила, если б не Крым. По шесть врагов приходилось на каждого из защитников Одессы, — по десять бы приняли, если бы не Севастополь.

16 октября, после блестящих боев, отбросив румын на девять километров и заставив их прекратить этим обстрел порта, защитники Одессы ушли в Севастополь, в полном составе, со всем вооружением. Новые подвиги ждали их в Крыму.

Лишь теперь, когда, всматриваясь вперед, уже ясно различаешь в кровавых дымах войны сияющий облик победы и когда, оглядываясь назад,

видишь этапы великой войны уже отлитыми в бронзу истории, — лишь теперь понимаешь, чем была Одесса в ходе Отечественной войны.

Одесса была первым городом, который сумел не только задержать, но и надолго остановить огромные полчища врага, ослепленного легкими европейскими успехами. Чтобы пройти всю Францию до Парижа, Гитлеру понадобилось 37 дней. И 69 дней он топтался у Одессы. Эти цифры многозначительны.

В первых числах августа Одесса начала свою яростную оборону. В конце его начал свою героическую эпопею другой морской город — Ленинград. В октябре началась великая битва за Москву, закончившаяся декабрьским разгромом немцев. В ноябре на их пути встал Севастополь. И, наконец, в ряду городов-героев поднялся над Волгой Сталинград — могила немецких успехов, первый видимый всем луч несомненной нашей победы.

Но зарождение этой победы было здесь, в Одессе. Одесса учила нас, как сдерживать напор врага, чтобы дать стране драгоценные дни и месяцы, нужные для подготовки встречного сокрушительного удара.

На бушлатах моряков, встреченных мной в первые дни освобождения Одессы, я увидел севастопольские медали. На гимнастерках красноармейцев, штурмовавших Севастополь на самом трудном участке, я видел медали Сталинграда. Это — не совпадение. Это логика Отечественной войны. Города-герои отдают друг другу старые долги. Одесса

научила Севастополь, как держаться против огромных сил врага. Героический пример Севастополя научил Сталинград стоять до конца. Там, в Сталинграде, оборона наша обернулась наступлением. Города-герои пошли на запад — и севастопольцы пришли к Одессе, сталинградцы — к Севастополю.

Уходя из Одессы, мы, конечно, не могли еще понимать, что́ такое Одесса в истории Отечественной войны. Но сердцем, любовью к Родине, горечью нашей за ее раны и страстной ненавистью к врагу мы угадывали это, и каждый из защитников Одессы, покидая ее, говорил, как клятву:

— Мы вернемся, Одесса... Мы вернемся!

И мы вернулись.

Наши войска ворвались в город по пятам врага. Батарея моряков-артиллеристов майора Солуянова, бившая немцев под Новороссийском, успела подвезти орудия к Одессе еще тогда, когда немцы выходили из порта. Прямой наводкой моряки потопили две быстроходные десантные баржи с войсками — первую четырьмя, вторую тремя залпами. Моряки-разведчики, ворвавшись на Пересыпь, еще застали там немцев, готовивших взрыв железнодорожных мостов на дамбе. Два паровоза под парами стояли на мостах, чтобы увеличить разрушения. Моряки огнем отогнали немцев и перерезали горящий шнур. Советские войска ворвались в Одессу стремительно и внезапно, и благодаря этому враг не успел выполнить намеченный им план разрушения. Шоссе на Овидиополь, забитое машинами и техникой, пленные, захваченные

по квартирам, в сараях и уборных, порой в женском платье, и невзлетевшие на аэродромах самолеты свидетельствуют о том, как была взята нами Одесса.

На промежуточном аэродроме мы справлялись, как садиться в Одессе: это был третий день ее освобождения, а у немцев есть привычка минировать аэродромы. Летчик, только что прилетевший из Одессы, деловито пояснил:

— Летите на школьный аэродром, там немцы для нас «Т» выложили... Садитесь к нему вприточку, аккуратно получится.

И вот мы увидели это «Т» — посадочный знак. Он был огромных размеров и, вопреки правилам, черного цвета. Снизившись, мы рассмотрели, что это был «Мессершмитт-323» — громадная транспортная многомоторная машина. Утром 10 апреля она, нагруженная немецкими офицерами, коврами, штабниками, швейными машинками и прочим, что считают нужным вывозить немцы, пыталась взлететь. Обгорелые ее обломки лежали на аэродроме, распростерши гигантские крылья в виде буквы «Т». По этому оригинальному посадочному знаку мы и сели в Одессе. Рядом чернели обгорелые самолеты помельче, и на бетонной взлётной дорожке лежали бомбы. Немцы не успели ни взорвать аэродрома, ни взлететь.

Мы пошли в город пешком по Овидиопольскому шоссе, разглядывая сожженные и разбитые машины. Награбленное добро виднелось в них. Лежали брошенные узлы, оказавшиеся помехой немцам, бе-

жавшим из Одессы пешком. На Мельничной улице, которая вливается в шоссе, мы увидели уже около двухсот машин сразу. Они были нагромождены друг на друга и все сгорели.

Вечером 9 апреля вся эта масса машин ринулась на шоссе. Получилась пробка, машины задержались. Тогда из домов на передние машины полетели гранаты, те вспыхнули, и огонь перекинулся на всю колонну. Немцы выскочили из машин. Их встретил винтовочный огонь, уложивший тут до двухсот солдат и офицеров.

Так провожали из Одессы ненавистных гостей партизаны, вышедшие из катакомб под городом. Они потеряли в этом бою пять человек. Могилы их виднелись рядом в сквере, в цветах и флагах.

Так встретила нас Одесса: зрелищем разгромленного врага и памятниками мужества одесских патриотов.

Мы пошли дальше, в город.

2. В ОДЕССЕ

Тени каштанов, начинающих уже одеваться листвой, лежат на мостовых густой чернью, яркое южное солнце слепящим светом заливает широкие и прямые улицы, и в стройной перспективе красивых домов виднеется вдали синее просторное море... Одесса встречает нас праздничной толчеей на улицах, красными флагами на домах, сиянием солнца и моря, улыбками встречных, быстрым певучим говором расспросов и приветствий и — Одесса без этого не Одесса! — шумными стай-

[illegible] чистильщики с ваксой, щетками и скамеечкой за спиной. Мы покорно подчинились неизменному ритуалу хождения по Дерибасовской — и ставим правую ногу на скамеечку.

И кажется — не было этой [illegible] разлуки с Одессой. Она всё та же — шумная, пестрая, страстная, какой была она в горячие дни обороны. И под каштанами ее снова проходят ладные фигуры красноармейцев с оружием, и моряки в высоких сапогах, [illegible] в памяти первые дни [illegible] недели, [illegible] на деревья с [illegible]ками связи, и так же [illegible] по брусчатке мостовой, и тот же гул неистощимой энергии, живости, жажды деятельности, присущий Одессе, кипит на улицах. Только удивляет тишина в небе и невозмутимая ясность его синевы: тогда, в осаде, в нем постоянно белели облачка [illegible] разрывов, и вечный гул [illegible] Юнкерса висел над городом. Время от времени сменялись [illegible] бомбы или свистом снаряда с Дофиновки или из-за Дальника.

Но первый же разговор с крохотным жрецом чистоты, колдующим над моим ботинком, сразу напоминает о тридцати месяцах рабства вольного города. Протягивая щетку, мальчик поднял лицо, и меня поразило полное отсутствие передних зубов. Шепелявя, он объяснил:

— Офицер румынский... Вакса у меня засохла, я плюнул на щетку, — а он увидел да как даст мне сапогом в лицо... Так и выскочили...

В серых его глазах промелькнул мрачный ого-

нек. Он оглянулся (видимо, [illegible] кого чужого?) и докончил:

— Ну, мы им [illegible]. Две [illegible] с [illegible] стали носить: одну — для [illegible], другую — для румын. Серной кислотой [illegible]... Ух, и горели у них сапоги... В труху!

Он засмеялся. Выщербленный оскал [illegible] остался в моих глазах страшным видением [illegible] и рабства. И вся радость свидания с Одессой омрачилась. Я смотрел на улицы — и [illegible] [illegible] разрушенных немецкой бомбежкой домов [illegible] время напоминали мне об этом [illegible] [illegible]ском рте.

Среди знакомых со времени осады [illegible] мы увидели и новые.

Почтамт, уцелевший до нашего ухода из Одессы, стоит теперь одной стеной, [illegible] [illegible] проломами, сквозь которые видны небо и [illegible] [illegible] рухнувшей крышей великолепный зал. [illegible], уходя, взорвали почтамт тремя стокилограммовыми бомбами. Здание ЦДКА развалено. Вокзал, изумительный одесский вокзал, больше не существует: вместо него за деревьями сквера видна низкая груда камней. В подвалах многих домов и особенно учреждений были заложены мины замедленного действия и мины-сюрпризы: те, которые взрываются через месяц-два при повороте определенного выключателя или при открывании какой-либо двери. Но по всем улицам на воротах мы встречаем успокоительные надписи: «Дом свободен от мин. Старшина такой-то».

Эти разрушения сделаны и подготовлены немцами. 20 марта, не надеясь на стойкость румын, немцы взяли оборону Одессы на себя. Они сменили румынский гарнизон, отослали румынские власти и пытались удержать натиск Красной Армии. Когда дело оказалось проигранным, немцы за 5—6 дней до подхода наших войск к Одессе начали по плану взрывать город и промышленность. Они уничтожили все заводы, порт и его сооружения, зажгли хлебный элеватор. На улицах через каждые два квартала вы натыкаетесь на яму в панели: здесь взрывом мины уничтожался колодец телефонного кабеля. Десятки домов стоят на улицах, еще тлея в перекрытиях.

Так мы увидели у набережной красивейшее здание музыкальной школы имени Столярского. Развалины его еще дымились, огоньки перебегали под пеплом обугленных балок, и странно было услышать из тлеющих руин звуки рояля. Кто-то весело играл чижика одним пальцем, вдохновенно, но некстати барабаня пятерней по басам. Зайдя во двор, мы увидели одесского парнишку за великолепным роялем. Рядом, в нише ворот, стояло еще пятнадцать совершенно целых инструментов. Их вытащили из огня преподаватели школы. И на уцелевшей колонне подъезда уже белел рукописный листок, объявляющий о наборе слушателей в новом помещении школы.

Одесситы спасали не только инвентарь горящих школ и учреждений. Они отстояли и самые здания. Так было с Одесским оперным театром.

Он был намечен немцами к взрыву и сожжению в последний момент — после трех часов дня 9 апреля. Немцы знали, что одесситы, патриоты своего театра, установили за ним наблюдение. Пронести мины в подвалы незаметно было нелегко, а делать это явно немцы не решались: одно дело рвать заводы на окраинах и сооружения порта, куда русским был запрещен допуск, другое — публично расписаться в уничтожении культурных ценностей.

Утром 9 апреля немцы объявили по городу приказ: с трех часов дня все окна квартир закрыть ставнями или шторами, а все двери иметь открытыми. Появление на улице или у окна после трех часов дня каралось расстрелом.

Одесситы сидели по домам, со страхом ожидая пожаров, убийств, взрывов домов, из которых запрещено выходить.

Мы разговаривали с женщиной, которая ухитрилась все же смотреть в щелку ставни. Через час после закрытия окон к огромному дому против ее окна, к зданию жандармерии, около памятника Ришелье, подошла машина, похожая на бензозаправщик. Немецкий солдат полил из шланга бензином стены до третьего этажа, другой скатил бочку. Машина отошла. Солдат дал очередь зажигательных пуль, бочка вспыхнула. Дом мгновенно загорелся, и машина пошла дальше.

Так и зажигали немцы одесские дома, в том числе и гестапо на Новосельской, где нашли потом в подвалах 240 обгорелых трупов.

Разрушение города, все население которого было загнано в дома, факельщики и подрывники должны были производить в течение 9 и 10 апреля. Но им помешала Красная Армия.

Уже горел на молу элеватор, раздавались взрывы в порту и в городе, летели стекла в расположенных рядом домах, и люди в них со страхом ждали своей очереди, когда в пятом часу дня 9 апреля над Одессой повисло огромное облако черного дыма. Его видели наши передовые части, ворвавшиеся на окраины Одессы, и те из одесситов, которые рисковали выглядывать со дворов. Это был немецкий сигнал «общий отход»: прорыв наших войск был совершен, и поджигателям оставалось убегать за спешно отступающими немецкими полками.

Так остались целыми многие здания, в том числе оперный театр и одесская городская библиотека с ее двумя миллионами книг.

Как и артисты, работники библиотеки дежурили по ночам, следя за тем, чтобы немцы не проносили мин. Это были О. В. Янушковская, двадцать четыре года заведующая книгохранилищем, М. М. Дерибас, внучка основателя Одессы, работающая на каталоге 46 лет, Котов, Бабышев и директор библиотеки А. Н. Тюнеева, связанная с нею с 1919 года. Этим людям удалось сделать еще одно огромное дело.

По приходе румын в Одессу представитель румынского «министерства просвещения» Видрашку явился в библиотеку с требованием изъять всю по-

лигическую и советскую литературу. Работники библиотеки представили ему каталоги одного только абонементного отдела. Тысячи книг были вывезены из библиотеки. Но все книги основного фонда, каталогов которого патриоты с риском для себя не представили комиссии, — остались. И нам показали их в одном из нижних книгохранилищ, вход в которое был замаскирован, — в полной целости и сохранности.

На улицах Одессы мы обратили внимание на кресты, аккуратно по трафарету наведенные белой краской на целом ряде домов. Оказалось, что дом, на котором нарисован белый крест, свободен от евреев; здесь уничтожение еврейского населения было закончено.

Правительственная комиссия установит точные цифры уничтоженного румынами населения Одессы. Но цифра в 200.000 человек, которую нам называли, не будет преувеличенной.

Сателлиты Гитлера всячески открещиваются от участия в страшном деле уничтожения мирного населения в оккупированных местах. Они утверждают, что это делают только немцы, гестапо, зондеркоманды.

Но Одесщина и Одесса с первых дней оккупации были отданы румынам. Вся Одесщина до Буга составила область, названную Трансистрией, что означает — Заднестровье. Управлял Трансистрией румынский губернатор, работали здесь румынская жандармерия и полиция, стояли здесь румынские войска.

Уничтожение мирного населения началось сразу же после захвата румынами Одессы. На шестой день вступления румын в город на улицах и в Александровском парке закачались на деревьях тела повешенных «заложников» общим счетом до 600 человек. В село Богдановка, в 104 км от Одессы, было согнано и уничтожено там 54 000 еврейского населения Одещины и Бессарабии.

Все эти страшные дела производились румынами. Таким образом, миф о том, что сателлиты не принимают участия в истреблении гражданского населения, еще раз разрушен историей румынского господства на Одещине. Ими введено даже нечто новое в ужасное дело массовых убийств. В ров заранее бросали бочки с горючим и поджигали их. Жертвы, привезенные из лагерей и тюрем, прогонялись по краю оврага цепочкой, и каждый, получивший даже легкое ранение, падал в пылающий костер и сгорал, не оставляя следов.

На румынском же языке напечатаны те удостоверения, которые мне показывали в Одессе люди, прежние унизительные и отвратительные процедуры медицинского осмотра, исследований и свидетельских показаний. После массовых уничтожений румынская полиция придала этому преступлению видимость «законности». Человек, которого обвиняли в принадлежности к еврейской национальности, мог апеллировать к суду. И румынский полевой суд выдавал удостоверение с фотокарточкой: «предъявитель сего такой-то прошел обследования и наличия в нем еврейской крови судом не доказано».

Я привожу точный перевод документа, который разоблачает ложь о «непричастности» румынского правительства к вопросам расистской теории. Такие удостоверения показали мне интеллигентная женщина Анна К. и парикмахер Онанас Ф.

По этому поводу я имел беседу в лагере для военнопленных с румынским полковником Теофинеску. Я задал ему вопрос, каким образом офицерская честь и достоинство воина могут быть совмещены с уничтожением безоружных жителей города, более того — с уничтожением детей и женщин. Полковник Теофинеску посмотрел на меня круглыми глазами и ответил, что об уничтожении в Одессе населения он «ничего не слышал».

Вернее всего, на неизбежном суде истории маршал Антонеску сделает такие же круглые и невинные глаза и ответит той же удобной фразой, что **он «ничего об этом не слышал».**

Но это видели и слышали тысячи жителей Одессы и окрестных деревень. Это делали румыны, их полиция, их жандармерия, их солдаты, их офицеры. И отвечать за это румынские палачи будут **наравне с немецкими.**

Румынские захватчики, кроме этого страшного пятна, стяжали себе в Одессе незавидную славу непревзойденных воров и взяточников. По квартирам шатались румынские комиссии под предлогом осмотра для постоя, — и каждое такое посещение означало пропажу. Румыны не брезговали ничем — чайной ложкой, шапкой в передней, детским свитером и даже грязными носками.

Особый доход для румынских солдат представлял комендантский час. Артист оперного театра рассказал нам поучительную историю.

Часа за полтора до прекращения движения по городу его остановил румынский солдат с автоматом. Артист показал на часы. румын покачал головой и погнал его за собой. Он водил артиста по всему городу полтора часа, вздыхая, ворча и чего-то ожидая. В три минуты одиннадцатого он привел жертву в комендатуру. Когда в следующий раз другой румын на другой улице за час до срока так же подошел к этому артисту со словом «комендатура», артист поспешно выдал ему пять марок — и румын даже любезно довел его до дома, защищая от других любителей легкой поживы.

В Одесском оперном театре стоит своеобразный памятник неизвестному вояке армии маршала Антонеску. Это бронзовый канделябр — пастух и пастушка. Рука пастушки обломана до локтя: в последние дни румынский капрал польстился на нее, решив, что это не бронза, а золото.

А на улицах висят грозные приказы городского головы о соблюдении порядка и о прекращении краж. Эти приказы начинаются необычайно пышно: «Мы, Герман Пынтя, примарь города Одессы, в соответствии с установлениями германского командования...» и кончаются порой совершенно не в тоне такого манифеста: «...приказываем к такому-то числу очистить выгребные и помойные ямы...»

Немцы, сменив пышного Германа Пынтю, продолжали грабить город, уже до этого разграблен-

ний румынами. За 20 дней своего хозяйничанья они вывозили станки, мебель, посуду, бельё... Из оперного театра они украли партитуры и оркестровые партии 136 опер. Наши войска не дали закончить им грабежи и разрушения.

Понятно, как встречали одесситы наших бойцов. Моряки-разведчики рассказали мне об этом кратко и выразительно:

— Влетели мы в Одессу все в пылище, а к центру попали чистыми, как стеклышко: всех нас поцелуями обмыли...

В городе — смешение всех городов. Тут люди с Донбасса, из Харькова, из Киева, с Кубани, из Крыма — те, кого немцы при отступлении уводили с собой. Тысячи трагедий, потерь, разлук...

Сводка, которую мы прочитали в газете, заставила нас спешить в Крым. Снова, как тридцать месяцев тому назад, по Одессе пролетело слово «Севастополь». Теперь оно звучало иначе — торжеством, радостью, победой.

И я снова — во второй раз — покинул Одессу для Севастополя.

На прощанье мы вышли к Одесской лестнице. Внизу расстилались гавани, порт, причалы. Все это когда-то кипело жизнью, и все теперь было мертво. Дымился еще огромный элеватор, всё еще горело в нем зерно. Несколько раз его тушили, и несколько раз оно самовозгоралось. Глухо рвались внизу мины — иные сами, потому что отработал часовой механизм, иные рвали на берегу наши саперы.

Горький запах дыма — запах, которого не забыть и который томит душу чувством беды, горя и разрушения,— тянул от моря. И снова мысль о возмездии заслонила радость свидания с освобожденной Одессой.

Огромное горе видел я здесь, в этом некогда веселом и счастливом городе, в городе-воине, два месяца отбивавшемся от румынских полчищ. Громадные разрушения видел я здесь.

Немцы и их лакеи, румыны, должны восстановить все, что они разрушили. Годы и годы должны они работать — и работать так же аккуратно, неленво и настойчиво, как разрушали.

3. ГИНЛОЕ МОРЕ — СИВАШ...

Поразительна неудержимая мощь быстрой крымской весны. Всё здесь — в зелени, в буйном росте, в стремительном движении живительных соков. Молодая трава ярко зеленеет всюду, где есть в камнях хоть клочок земли, причудливо изогнутые ветви горного дубняка скрыты листвой, алеют под обрывами первые цветы, и даже самые скалы опутаны плющом, карабкающимся к солнцу по острым выступам бурого камня, — а долины внизу белеют пушистым снегом яблонь и груш, и розовые букеты цветущих деревьев разбросаны в сочной зелени трав на влажных склонах у речек.

Земля, накопившая за зиму огромную силу вечного своего возрождения, радостно и буйно тво-

рит всякую жизнь. Солнце, благословенное солнце Крыма, встаёт в прохладе розовых зорь и садится в полыхании ликующих закатов. С черноморского неба, синего и высокого, не оскорбляемого туманами, оно бьет прямыми своими лучами на горы и долины и, к слову сказать, припекает уже надоедливо. Но люди в защитных гимнастёрках — рядовые и генералы, юноши и ветераны — только радуются теплу.

Долгие месяцы провели они в холодных открытых траншеях «Малой земли», в длительном подземном строительстве переправ через Сиваш, в постоянной борьбе с ледяной и горько-солёной водой Гнилого моря. И так же, как земля, войско накопило за эту зиму огромную силу. Встало солнце победы — и неудержимая мощь стремительного удара вырвалась из сырых траншей сивашского плацдарма, хлынула на Крым и согнала врага с плоскогорий, степей и гор, как сгоняют **снег могучие весенние лучи.**

И вот, пройдя стремительным маршем весь Крым до подступов к Севастополю, герои Сиваша, щурясь, блаженствуют на солнце, каждым кусочком тела впитывая давно забытое тепло. Но попробуйте завести с ними разговор о «Малой земле», о переправах, о трудных месяцах подготовки прорыва. Вам будут рассказывать об этом, как о чем-то смутно вспоминаемом, почти забытом и — самое удивительное — как о чем-то вполне естественном, легко выносимом и не стоящем **особого внимания...**

— Ну, сидели в траншеях без землянок, без костров, частенько без горячей еды, мёрзли — это правильно... Потом наловчились — «лисьи норы» нарыли: трубу такую в стенке окопа выроем, а за ней — вроде пещерки пошире... Человек пять-семь набьётся, надышат — и вовсе тепло... Там и от бомбёжек спокойно было, если вход толково сделан — узкий, чтоб осколки не влетали...

— Походить взад-вперёд по этому Сивашу пришлось, это точно. За боеприпасами, за харчем всё ходили, пока переправы строили. Иные до ста раз его переходили — ничего, дело выполнимое, только вода там очень злая: голая соль... Верно его называют — Гнилое море... Ноги до язв разъедало — и сапоги не помогали. Главное дело — обсушиться негде. О костре и не мечтай — ни тебе лесу, ни возможности: всё на виду, земля плоская, по каждому дымку, по огоньку — бомба **либо снаряд...**

— Питьевую воду берегли, это вам тоже правильно рассказывали. Её сперва через Сиваш таскали — с колодцами ничего не получалось. До восьмидесяти метров рыли, а вода всё горькая, сивашская... До сладкой воды дорылись — что праздник был... А так рассказывать больше нечего...

И вот поговоришь так и лишний раз задумаешься о благородной скромности, о целомудрии **русской военной души.**

Велик народ, умеющий превращать подвиг в будни, и страшна для врага его мощь. Не вспышками героизма — великолепного, но кратко-

временного напряжения всех сил — побеждает такой народ, а длительным, истовым трудом войны, равномерным, непрекращаемым, неостановимым,— и нет в мире силы, которая смогла бы помешать народу-труженику, взявшемуся вырастить победу. Победа взойдёт неизбежно, как всходит урожай на поле, политом жарким потом тяжёлой пахоты. Огромный труд огромного народа вложен в дело Отечественной войны, и труд этот уже приносит свои плоды: победа — полная и окончательная — **зреет у нас на глазах.**

Здесь, в войсках Героя Советского Союза Крейзера, я узнал о том великом военном труде, который подготовил прорыв наших войск в Крым. Дело военных историков описать этот прорыв во всех деталях. Я расскажу об одной лишь стороне этой эпопеи — о строительстве переправ через Сиваш.

За два с лишним года пребывания в Крыму немцы создали сильную инженерную оборону во всех местах вероятных наших ударов. Две линии — Турецкий вал и Ишуньские позиции — защищали Перекопский перешеек. Восточнее — против того узкого места Сиваша, где в 1920 году провёл в Крым свои войска Михаил Фрунзе, немцы создали сильнейшие укрепления. Так же приготовились они и на третьем опасном участке — у Чонгарского моста. Везде были настроены доты, нарыты глубокие противотанковые рвы и густая сеть траншей, заминированы подходы, сосредоточена артиллерия и подведены **отборные немецкие части.**

1 ноября наши войска вгрызлись в линию немецкой обороны Крыма. На правом фланге — на Перекопе — войска гвардии генерал-лейтенанта Захарова прорвали укрепления Турецкого вала и взяли за ним плацдарм для будущего наступления. И одновременно с этим войска гвардии генерал-лейтенанта Крейзера форсировали Сиваш, но совсем не в том месте, где ожидали немцы.

Это было сделано в широкой части Сиваша, на том участке, где немцы, надеясь на непроходимость Гнилого моря, держали заслон из румынских дивизий. Герои сталинградских и миусских боёв ринулись вброд, преодолев одним броском три километра ледяной воды и вязкого ила, выковали румын на плоских берегах крымской земли, отбросили врага, взяли береговую полосу и закрепились на ней. Так образовалась в Крыму ещё одна «Малая земля» — сивашский плацдарм, зародыш будущей грандиозной победы.

Войска ещё окапывались в рыхлой, мокрой и плоской земле, когда на поддержку им начали переправлять через Сиваш артиллерию. Орудия увязали колёсами по ступицу в жидкую липкую грязь. Тогда сапёры сочинили нечто вроде саней — плоты на полозьях. На них ставили орудия и волоком, людской силой, начали перетаскивать через Сиваш сначала лёгкие, потом более крупные. Иные орудия тащило по сто, по сто двадцать человек — шли за шагом в течение семи-восьми часов, по колено в ледяной воде, на холодном ноябрьском ветру.

Так пришлось перетаскивать через Гнилое море орудия и грузы. Кони не хотели ступить в ледяную воду: сами войдя в неё и чувствуя, как ноги уходят в вязкий ил, конь вырывался и выскакивал на берег, храпя и кося глазом на опасную мутную гладь, затягивающую в себя. Тогда сапёры связывали коню ноги, клали его на сани — и волоком перетаскивали в Крым лежащего коня. В глубоких местах вода выплёскивала на сани, и русский солдат бережно поднимал коню голову, оберегая его от мёртвой воды Гнилого моря...

Для прорыва в Крым надо было сосредоточить на «Малой земле» танки и тяжёлую артиллерию. Это грузное хозяйство доставлять волоком на санях было невозможно. Поэтому уже на восьмой день после захвата плацдарма началось на Сиваше грандиозное строительство двух переправ — беспримерный подвиг сталинградцев-сапёров.

Если бы эта гигантская работа была произведена в мирное время, она стала бы известна всей стране. Огромный объём работ, небывалые темпы их, изобретательность в замене материалов, которых не могло быть под рукой, работа часами в воде — в зимней солёной воде Сиваша, — это было бы темой стихов, рассказов, фильмов, это наполнило бы целые полосы газет. Но война принуждала к тайне. И мы ничего не знали о великом труде сапёров до тех пор, пока быстросшитые ими сивашские переправы не выполнили своего назначения. Они стоят теперь суровыми и великолепными памятниками красноармейскому труду.

Среди множества островков Сиваша есть один остров, который называется — Русский остров. Именно через него и повели русские сапёры огромный мост с материка, а с острова на Крым — длинную гать. Одновременно рядом, в более широком месте Сиваша, начали строить дамбу для танков и самых тяжёлых орудий.

На строительство переправ немцы сбросили до сорока тысяч бомб. Работы ежедневно обстреливались артиллерийским огнём и минами. Всё дно Сиваша было изрыто воронками, и люди, переходившие его вброд с продуктами или снарядами, стали проваливаться в воду с головой. Но никто не уходил с работы — во время обстрела пригибали головы и продолжали строить мост, насыпать дамбу. Работали по двенадцать часов в сутки, не успевая за время отдыха обсохнуть. Десятки тысяч кубометров земли было вывезено на Сиваш, одних мешков с землёй на укрепление краёв дамбы пошло 60 000. Мост был закончен ранее дамбы, но если учесть все работы по его восстановлению после бомбёжек и обстрелов — его за время подготовки к прорыву в Крым фактически построили дважды.

Наконец, к началу февраля гигантская дамба, которую вели одновременно с двух сторон, была готова. Оставалось соединить её двухсотметровым мостом. Но в дело вмешалась стихия.

12 февраля разразился шторм небывалой силы. По Гнилому морю, вся глубина которого полметра, стали ходить волны высотою в метр: Чёр-

ное море нагоняло сюда воду восточным ветром. Волны начали размывать дамбы. За четыре дня штурма работа тысяч людей была сведена на-нет. Дамбы были размыты. От них осталось два хвостика — по полтораста метров от каждого берега.

Пришлось начинать всё сначала. Сроки подходили — пора было начинать вторжение в Крым. Командование сказало сапёрам:

— Стройте, сколько успеете... Но стройте!

Снова бешеная, огромная, титаническая работа, под бомбёжками, под обстрелами, на ветру, в воде, с одной тревожной мыслью: не успеем — не будет танков, не будет тяжёлых орудий... Самозабвенно, яростно, вдохновенно работали сапёры-сталинградцы, — и до начала операции сумели восстановить два километра дамбы. Остальное должен был соединить мост. Но его достроить уже не поспели, — пора было начать перебрасывать на «Малую землю» тяжёлую технику.

И её все-таки перебросили.

Понтонёры майора Иванова под огнём перевозили танки на паромах между незаконченными частями моста. Стальная сила шла через переправу без задержки, накапливаясь на плацдарме. Удар навис над врагом...

И снова показала себя капризная приморская весна: над северным Крымом разбушевалась пурга — снежная пурга с ледяным ветром. Толстые пласты сухого снега завалили траншеи,

бойцы не успевали отмываться. Застывало и отказывалось работать оружие. Пронзительный ветер сбивал людей с ног...

И это испытала великая армия советского народа, бойцы сталинградских дивизий, герои Донбасса и Миуса. Через несколько дней после бурана был дан сигнал общего наступления с обоих плацдармов — с перекопского и сивашского, а далеко на юге, под Керчью, с другой «Малой земли» ударили войска генерал-лейтенанта Ерёменко.

Немцы ожидали, что с сивашского плацдарма наши войска пойдут прямо на юг, на симферопольское шоссе. Там немцами была подготовлена крепкая оборонительная линия и сосредоточены лучшие войска. Но командование фронтом повело наступление по-своему: сделав мощный бросок на юг, наши войска резко повернули на восток, стремительно овладели соседним полуостровом, отрезав на нём румын, прорвали здесь оборону — и в этот прорыв хлынули наши танки и войска. В тот же день они овладели Джанкоем.

Эта операция решила судьбу Крыма. Немецкие дивизии, оставив в Джанкое и Симферополе склады, вооружение, боетехнику, покатились к Севастополю. С трёх плацдармов — сивашского, перекопского и керченского — советские войска погнали немцев к их последнему рубежу обороны — к кольцу укреплений, окружающих Севастополь.

4. НА ПОДСТУПАХ К СЕВАСТОПОЛЮ

И вот — после двухлетней разлуки — я снова вижу Севастополь.

Вздымаясь из воды бухты подобно огромному кораблю, отягощенному нагромождением рубок, мостиков и надстроек, взбегает на крутые скалы ярусами своих кварталов чудесный город флота и солнца, садов и моря. Дымка дали скрывает разрушения, воздух, нагретый апрельским солнцем, струясь, дрожит у стекол стереотрубы, — и город поэтому кажется живым и целым: будто на каменных его трапах шумят веселые толпы и под колоннадой Графской пристани плещет на широкие ступени бело-синий прибой моряков, и алые девичьи платья крутятся в нем лепестками цветов, подхваченных волной, и со ступеней «Динамо» летят в лазурную воду бронзовые тела севастопольских мальчишек, как всегда, первыми открывающих купальный сезон, и тысячи молодых людей смеются, мечтают, учатся, любят и живут той полной, свободной жизнью, какой жили они до первой бомбы, ударившей в этот город на рассвете страшного июньского воскресенья...

Но легкий поворот винта стереотрубы возвращает к действительности. Темная гряда Сапун-Горы, изрытой траншеями врага, покрытой бетонной сетью дотов, уставленной орудиями и минометами, возникает в поле зрения. И новое видение встает перед глазами.

Я вижу, как свежим октябрьским утром бьются на этих горах юноши в бушлатах и бескозырках —

курсанты Училища береговой обороны, все до одного комсомольцы. Впереди других они ринулись навстречу лавине врага, прокатившейся от Перекопа к Севастополю, и остановили железный ход его танков и машин. Я вижу, как в траншеи, высеченные в каменистом грунте скал, прыгают с машин первые отряды моряков, красноармейцев, добровольцев-горожан, как сдерживают они напор врага до подхода наших резервов. И трудным сухопутным маршем, без дорог, через горные перевалы, таща на себе орудия и снаряды, спешит к нам Приморская армия, защищавшая недавно Одессу, с боями пробиваются к ним другие герои Одессы — моряки Первого морского полка. Только нет уже среди них полковника Осипова, — он убит в бою на прорыве... Идут на севастопольские горы из Евпатории моряки Седьмой морской бригады; отбиваясь от врага, подходит и Третий морской полк, сходят с кораблей прибывшие сюда армейские полки... И вот уже занят героями рубеж, с которого долгие восемь месяцев никто не сойдет ни на шаг. И корабли из бухты стреляют через горы по резервам врага, а по переднему его краю метко и страшно бьют морские береговые батареи Драпушко, Александера, Матушенко... Первый штурм Севастополя начался.

Двести пятьдесят дней, каждый из которых был доверху набит смертью, держали севастопольцы родной город. Три длительных штурма, сотни тысяч снарядов, десятки тысяч авиабомб, тысячи атак... Камни не выдерживали — падали дома и

ломались скалы, а севастопольцы стояли. Море кипело от взрывов, стонала земля, темный столб каменной пыли качался над скалами, над городом, над бухтой, а севастопольцы стояли. Шли дни, недели, месяцы — и всё на тех же рубежах, непоступно и неподвижно, в великом мужестве стойкости, таинственной и страшной для врага, стояли севастопольцы.

Всё на этих скалах полно славы. На Мекензиевых горах мы нашли смельчаков в бушлатах среди груды стреляных патронов, рядом с заржавленными автоматами. У Балаклавы — патронный ящик, на крышке которого начата надпись химическим карандашом: «Прощайте, товарищи, здесь бились моряки-черноморцы: Александр Ко...» И кровавое пятно свидетельствует, что надпись начата была слишком поздно. Над немецкой траншеей, над головами немецких солдат красноармейцы заметили на отвесной скале еще хорошо различимую надпись суриком: «Смерть немецким захватчикам!» Немцы не смогли уничтожить надпись, неведомо как сделанную моряками на этой недоступной круче, — и она кричит с горы в долину предсмертным зовом, призывом к мщению, лозунгом победы. И бойцы-сталинградцы выполнили этот завет севастопольских моряков, и немцы в траншее под надписью вошли в счёт мести за безымянных героев, сражавшихся тут два года назад.

Севастопольцы бились тут, не отступая ни на пядь. Бились умирая, но не сдаваясь. Бились,

унося с собой в смерть столько врагов, сколько видели перед собой. Здесь, имея на поясе гранаты, кинулись под немецкие танки пятеро бессмертных сынов Черного моря — Фялченко, Пыбулько, Паршин, Красносельский, Одинцов. Здесь взорвал себя вместе с батареей ее командир капитан Александер. Здесь семьдесят четыре моряка трое суток держали старый Константиновский равелин, не пропуская немцев к воде, по которой уходили из Южной бухты последние катера.

Уже сложились в народе легенды о севастопольцах. В Симферополе мне рассказали о том, как на рассвете 4 июля 1942 года старый пастух в Джанкое услышал в прозрачной тишине солнечного утра далекую песню. Он прислушался. Это была «Интернационал». Его прерывали глухие взрывы и залпы. И поверили люди старику, что это пели матросы в Севастополе на тонущем корабле, уходя в воду и стреляя из последних орудий, пели так мужественно и громко, что ветер донес их голос через весь Крым...

Мужество и благородство, стойкость и доблесть, верность Родине и ненависть к врагу вечно, как море и скалы, будут окружать Севастополь сияющим венцом славы.

Оскорбительно и тяжко было увидеть теперь на скалах нашей славы немцев. Они заняли наши прежние позиции, рассчитывая удержаться на них долго. Линию обороны, построенную нами, они укрепили и дополнили. К нашим минам, остав-

шимся перед траншеями, они добавили тысячи своих. Взорванные нами или разрушенные их снарядами наши доты они восстановили и усилили бетоном и сталью. Они имели на то время. Почти два года они строили свою линию обороны вокруг Севастополя, — жалкие «хозяева» Крыма, боявшиеся партизан, боявшиеся десантов с моря, боявшиеся прорыва наших войск в Крым.

Немцы перетащили сюда остатки своей артиллерии, спасенные в бегстве по Крыму. Вдобавок они привезли сюда орудия и минометы из Румынии. Под нависшие скалы они подложили взрывчатку, готовясь обрушить их на наши наступающие цепи. В отвесных скалах они вырубили узкие каменные норы и поставили там пулеметы, которых не сможет взять ни бомба, ни снаряд и которые могут сдерживать натиск батальонов. Долины и ущелья они перекрыли трехслойным огнем артиллерии. Огромное количество прожекторов и зениток приготовилось отражать нашу авиацию.

Немцы писали в своих приказах: «Солдаты! Фюрер приказал держать крепость до последнего патрона. Позади нас — пространство, жизненно необходимое для сохранения крепости Севастополь. Впереди нас — плохая русская пехота, которая не страшна немецким гренадерам в их мощных укреплениях».

Но в том же приказе № 1036/44 от 20 апреля по 98-й пехотной дивизии после этой патетики идет трезвый торгашеский расчет: «Каждый сол-

дат, кто патроном «фауст» уничтожит русский танк, получает двухнедельный отпуск с немедленной отправкой на самолете». Та же цена, о которой в Крыму мечтал каждый немецкий солдат, объявлена для наводчиков противотанковых орудий — уже за два танка, и для штурмовых — за три. Расчет по-немецки, по аккуратной таксе.

Однако немецкий солдат, видимо, не очень-то соглашался с формулировкой «плохая русская пехота». На пристанях у готовых к отправке кораблей появлялись зайцы — солдаты, не имеющие билетика на посадку. И пункт 3-й приказа обязывает офицеров «силой оружия отвести на старое место таких солдат или застрелить за проявление трусости».

Немецкое командование успокаивало солдат: «Прорыв русских в Крым только выгоден для нас. Мы заманили их в огромную ловушку: фюрер готовит колоссальный удар по побережью с целью запереть русские войска в Крыму. Недалек час, когда под Севастополем мы перейдем от обороны к наступлению и уничтожим окруженных на полуострове русских».

В другом указании оно твердило: «Своей обороной крепости Севастополь немецкая армия докажет всему миру, что на этих мощных позициях можно держаться сколько угодно. Мы сумели раздавить здесь русских, но им никогда не взять Севастополя, который держат немецкие войска».

Видимо, все это мало действовало, и немецкое командование распускало в солдатской среде слухи

о новом «секретном оружии». Пленный ефрейтор рассказал, что со дня на день ждут его применения: это будет порошок, рассыпаемый с самолетов. Он понизит температуру до 170 градусов мороза, и вся местность на десятки квадратных километров замерзнет.

И только тогда мы поняли, почему это в последние дни апреля чудесная крымская погода испортилась и в воздухе похолодало. Мы решили, что порошок этот немцы посыпали где-нибудь далеко в море, либо сделан он из эрзац-сырья и сработал только на пять градусов вместо обещанных 170...

Не помогли немцам ни патетические слова, ни торговля отпусками, ни хвастовство, ни фантазия.

Немцы пытались вывозить из Крыма свои войска, технику и штабы. Проследим нормальный, — так сказать, «типовой» — переход немецкого каравана из Севастополя в Румынию.

Погрузка происходит вечером в одной из бухт. С темнотой на Севастополь прилетает наша авиация дальнего действия. Начинается первый акт — солидная бомбежка погрузки. Часть солдат, приготовившихся к вожделенному путешествию, в билетах больше не нуждается. Другая часть держит в потном кулаке билеты, но не имеет кораблей, названных на них: корабли горят или лежат на дне у причалов бесформенной грудой.

На оставшиеся корабли грузятся оставшиеся немцы. Под спасительным покровом темноты кара-

ван выходит в море. Сразу же за углом Херсонесского мыса его встречает восточная группа торпедных катеров капитана 2-го ранга Дьяченко. Очередной убыток в кораблях и в людях. Несколько дальше на караван наскакивает западная группа катеров капитана 2-го ранга Проценко. Новый урон...

Караван выбрался подальше от берегов. Рассвет. С неба на немцев пикируют морские штурмовики подполковника Манжосова. Новый метод, которым они бомбили немецкие корабли, дает, как говорят морские летчики, «полную гарантию — в правый глаз капитану». Еще два-три корабля идут вместо Румынии на дно вместе с немцами, мечтавшими спастись из Крыма. Караван, сильно поредевший, идет, наконец, в открытом море. Штиль, полдень, тишина. И вдруг — торпеды... Это дорвались до работенки подводные лодки контр-адмирала Болтунова.

Кажется, всё. Оставшиеся немцы с нетерпением поглядывают на открывающиеся румынские берега. Но у нас есть еще самолеты генерал-лейтенанта авиации Ермаченкова. Снова град бомб, новые пузыри на воде...

Черноморский флот в боях на коммуникациях противника нанес ему огромные потери. С момента прорыва наших войск через Сиваш и Перекоп потоплено: 69 транспортов водоизмещением от 1 000 до 5 000 тонн, 56 быстроходных десантных барж (каждая берет до 500 человек), 2 сторожевых корабля, 2 канонерские лодки, 3 тральщика,

27 сторожевых катеров и 32 разных судна (в том числе и торпедные катера). Всего 191 вражеское судно.

Имея на море таких надежных «регулировщиков движения», как черноморские моряки и летчики, Красная Армия была уверена, что немцы не уйдут от заслуженного возмездия.

Штурму Севастополя предшествовала тщательная подготовка. Нужно было разведать систему немецкой обороны, нащупать её огневые точки, проложить проходы в бесчисленных минных полях. Бойцов, испытанных в стенных боях, надо было приучить к незнакомым им действиям в горах, где вся война идет по-другому. Надо было подтянуть тылы, оставшиеся в стремительном марше армии через весь Крым, подвезти снаряды.

Вход в Севастополь преграждала сильнейшая инженерная оборона немцев. Вот один из участков обороны на высоте 282.0.

Здесь саперы обезвредили менее чем на трех километрах фронта до 2 000 мин. У подошвы горы были бетонированные огневые точки, в скалах их — глубокие норы с пулеметами, на крутом склоне горы — сплошная траншея с укрытиями от бомб и тяжелой артиллерии, вторая траншея — на гребне. Подходы к горе защищались несколькими батареями и десятиствольными минометами.

По ночам гора беспрерывно освещалась ракетами: немцы высматривали работу наших саперов. Как-

лый шорох и стук вызывал плотный ружейный и пулеметный огонь, и время от времени, захлебываясь, лаял миномет. Такой и осталась в моей памяти одна из севастопольских высот — настороженная, огрызающаяся, вся утыканная оружием и солдатами, — когда, пользуясь временем подготовки к штурму, мы уезжали посмотреть на освобожденный южный берег Крыма.

5. НА ЮЖНОМ БЕРЕГУ

Крутясь и извиваясь по склонам, бежит вверх горная дорога, пробиваясь через густой и высокий лес. Он играет на солнце всеми мыслимыми оттенками зеленого цвета — от темной, почти синей глубины, скопившейся в широкой листве огромных деревьев, до ярчайшей, поражающей глаз светлой зелени молодой травы. Крымская весна ликует в горах возрождающейся жизнью, радуя красками, ароматами, щебетом птиц, звонким рокотом горных речек, и глубокие тени снегов на ближних вершинах струят по склонам прохладу. Благословенный край солнца, гор и моря, простой и мудрый мир природы, раздумчивая и живая тишина, покой и чистота первозданной красоты.

И вдруг — на самом перевале — из зелени показываются бойницы, траншеи, доты и рядом — три могильных креста, черных с белым: немецкое укрепление. Оно оскорбляет глаз, как плевок на картине.

Мы останавливаем машину и входим в это жилище страха.

Да, здесь жил страх. В самой глуби «завоеванного жизненного пространства», в громадном удалении от какого бы то ни было фронта, стоит это немецкое укрепление неким символом. Немцам не было житья здесь, на полуострове, который они два года считали своим. Они вырубили лес, нарыли глубоких траншей, опоясывающих кругом дот, настроили из бетонных труб огневые точки, каменной стеной перегородили шоссе, в три кола поставили проволоку, натыкали пулеметов, гусеницами танков прикрыли козырьки окопов — и так, прислушиваясь к таинственной тишине горного леса, вздрагивая и оборачиваясь, сидели они здесь под презрительным взглядом старого Чатыр-Дага, ежеминутно ожидая, что с его крутых склонов, из густых его зарослей, из узких ущелий вырвутся на Южный берег партизаны.

По всему шоссе видны следы этого страха.

Там, где дорога идет в горном лесу, деревья вырублены метров на полтораста по обе стороны каждого поворота: боялись партизанских снайперов. У мостов — огневые точки: боялись партизанских подрывников. Но то и дело встречаются у шоссе битые, сожженные машины разной давности гибели. Некоторые из них еще хранят очертания тупорылых транспортеров, широкозадых грузовиков, а порой — кокетливых офицерских лимузинов. Три зимы партизаны заваливали по ночам дорогу, подкладывали мины, взрывали шоссе, под-

стреливали шоферов — и машины катились с кручи, увлекая с собой в пропасть немцев.

Там же, где дорога бежит по ровному безлесному плоскогорью, немцы пожгли деревни, чтобы население их не кормило партизан. Сергеевка, Шамхай, Ангара — десятки деревень уничтожены. Задымленные голые стены торчат в пышных белорозовых букетах садов печальным и страшным знаком беды и насилия, и издалека — из Бахчисарая, из Евпатории, из Джанкоя — возвращаются на родные места женщины и дети, выгнанные отсюда немцами. У них нет с собой ничего: немцы не дали на сборы и пяти минут. Они заходили в хаты, лаяли: «Вег! Вег!» И семьи, в чем были, уходили в горькую даль скитаний по захваченной врагом и разграбленной им родной земле.

Многие семьи ушли в горы вместе с партизанами, разделяя с мужьями и сынами страшные лишения. Ни одной ночи на том же месте — постоянные облавы, бои, окружения партизанских отрядов. Голодали и холодали. Люди забыли вкус соли. Были дни, когда ели траву, заваривали в кипятке мох. Порой удавалось привести из степи скот — и тогда партизанский табор оживал.

В вечных боях с карательными отрядами кочевали в горах партизаны, держа семьи «в глубоком тылу». Мы поинтересовались, что могут означать эти слова там, где фронт был кругом, и нам объяснили: «самая середка...» Семьи располагались у вершины горы, а на склонах ее кольцом передвигались в боях партизаны. Незадолго до прорыва

наших войск в Крым немцы начали новую облаву, четвертую за эту зиму. Партизан притиснули к самым вершинам. Женщины и дети мерзли. Тогда партизаны укрыли их от ветра в штабелях срубленного когда-то леса и ушли отбиваться от немцев. Вернувшись, они не увидели штабелей: все было покрыто глубоким снегом, — он валил все трое суток ожесточенного боя. Десятилетний парнишка Коля Журавлев рассказывал мне об этом с удивительным спокойствием:

— Под снегом даже теплей было, мы прямо отогрелись, а то ветер да ветер... А мамка ревет, — не найдут, говорит, нас. Мы откапываться... Роем, роем руками — а куда его денешь, снег-то? Там же тесно было... Хорошо, наши сверху нашли, откопали...

Коля — полностью в немецком обмундировании: зеленоватый френч, лягушачьи штаны, сапоги с шипами, пилотка с пришитой наискось алой лентой: обносились и ободрались, приходилось пользоваться трофеями. В этой последней облаве партизаны дошли до крайней степени лишений. Не было ни еды, ни патронов. Но еще не разрядились аккумуляторы радио, и газета — поразительная партизанская газета на обрывке бумаги, на которую ударами щетки терпеливо переведена с набора краска, — сообщала новости с далеких фронтов. На последнем яростном дыхании держались люди в начале апреля, и в день, когда командиры вышли к отрядам с известием о прорыве наших войск в Крым, громовое «ура» потрясло горы.

В тот же день партизаны скатились с гор грозной лавиной мести. Они помогали частям Красной Армии в освобождении Симферополя, добивали отступающие отряды немцев на дорогах к Севастополю. На юге они ринулись на Ялту, Алушту, Массандру, перехватывали немцев на пути бегства.

И вот Южный берег расстилается под нами прекрасным видением, знакомым миллионам советских людей. Край здоровья и отдыха — обезображенный, расхищенный, изуродованный.

Алушта... В ней осталась примерно половина санаториев — и то лишь стены: инвентарь разграблен. Вокруг — сожженные деревни. Одна из них — Улузень — уничтожена совершенно: боязнь партизан. По этой же причине другая деревня — Устькут — окружена сплошным кольцом минных полей; людей на работы выводила из нее секретными проходами полиция. Для возможности обстрела подходов к Алуште вырублено множество садов, уничтожены целые гектары виноградников. Мосты на ялтинском шоссе были заминированы, но их спасла алуштинская молодежь: вслед за немецкими подрывниками они прокрались к мостам и вытащили **до полутора тонн взрывчатки.**

В Алуште мы разговаривали с военнопленными немцами. Один из нас завел речь о литературе. Солдаты мялись — они читали только дубовые «вещи» в журналах. Зато обер-ефрейтор Пауль Форайтер решил блеснуть культурой перед своими солдатами и перед русскими офицерами. Он — из зажиточной семьи, учился в университете, у отца

была машина, на которой он катался в Шлезвиге, и поэтому в армии он стал шофером. Он сыпал именами авторов, которых он читал (запнувшись, впрочем, на Гейне), — Гёте, Лессинг, Шиллер, Эберс...

— Энгельс, — подсказал я.

— Яволь, конечно, Энгельс...

— А что вы больше всего любите у Энгельса?

Он самодовольно усмехнулся:

— Я так много читал, что не смогу вспомнить названий. Я большой поклонник литературы, особенно немецкой. Вам странно слышать это из уст солдата?

— Нет, отчего же, — сказал я. — Но все-таки, что больше всего вам нравится у Энгельса? Романы его или пьесы?

— Пьесы, — ответил обер-ефрейтор.

Я смотрел на этих пленных немцев, готовых угодливо и подобострастно отвечать на любой вопрос, и мне вспомнилась тяжелая сцена в Евпатории. Мы сидели там вечером в русской семье, пережившей два с лишним года немецкого господства. Нам было весело, мы смеялись, — и вдруг хозяйка, прислушавшись, встала. Из-за стены доносились глухие рыдания.

— Кому иные счастье, кому горе, — сказала она. — Соседка... Была днем на раскопках за вокзалом. Мужа нашла там в яме... И сынишку...

Вспоминая об этом, я глядел на ефрейторскую морду с подстриженными усиками, на гитлеровского молодчика, радующегося плену и безопас-

носи, охотно беседующего о литературе. Такие, как он, убивали во рвах наших детей и женщин. Пусти его сейчас на волю, верни его в родную стаю, — он несет бы нам новое зло, жег бы дома, убивал бы безвинных людей. Он — немец, наглый в успехе и подлый в неудаче, зверь, когда чувствует свою силу, и трус, когда чувствует силу другого. Крепче держите винтовки в ваших руках, друзья!..

Не сму ли работник пионерского лагеря в Артеке Николай Федорович Гнедико сказал свои последние такие слова, исполненные человеческого благородства. Это было в первые дни прихода немцев на Южный берег. Немцы шли по Артеку, постреливая в статуи, раскрывая ударом сапога двери, оглядывая наших людей. Они повели с собой жену Гнедико: еврейка. Николай Федорович взял её за руку:

— Что ж, пойду и я. Мы одинаковые люди.

Его расстреляли вместе с ней в очередной партии, подлежавшей фашистскому уничтожению.

Когда вы вернетесь в сказочный свой лагерь у синего моря, дети, вспомните о благородстве души обыкновенного русского человека. Пусть память о нем будет вечно жить в Артеке, в приюте юности, вступающей в жизнь.

В печальном зрелище разрушений, разграблений и бед, причиненных немцами и румынами Южному берегу Крыма, вырисовываются отдельные картины. Дико и странно было увидеть в Гурзуфе, в прекрасном когда-то здании лечебных ре-

цедур санатория РККА, — конюшню, кормушку, вход. На рубильнике мраморной распределительной доски в кабинете «горного солнца» — кварцевых ламп — висела еще удочка, подтверждая, что здесь, в лечебнице, немцы держали лошадей. Почему и зачем нужно было превращать в конюшню целый и исправный дом здоровья, — нам, русским, **никогда не будет понятно.**

Дом в Гурзуфе, в котором жил Пушкин, разграблен. В комнатах музея — грязные следы румынского постоя, наспех брошенные вещи, отвратительное белье, висящее из угла, и на паркете — следы костра. Жилье не чище конюшни. И на огонь этого костра пошел ствол того кипариса, к которому Пушкин каждый вечер ходил на свиданье, как к другу. Тонкий пенек его стоит у двери, и только пушкинские слова на разбитом мраморе доски свидетельствуют о том, что кипарис этот мы сберегали долее ста лет.

Ялта. Она производит впечатление неразрушенного города. Но лучшие дома на набережной — это только стены. Санатории, как везде, разграблены. Двадцать три (почти половина ялтинских здравниц) сожжены. Двенадцать из них немцы сожгли при последнем уходе, остальные — в январе 1942 года, когда десант наших моряков в Керчь и Феодосию заставил немцев приготовиться **к оставлению Ялты.**

Здесь мы узнали, как ялтинцы ходили в Симферополь в поисках хлеба и продуктов. Немцы давали пропуск только на группу в десять чело-

век, — и все десять обязаны были вернуться вместе. Известен случай, когда одна из женщин, не осилив долгого пути пешком по горам, слегла в Симферополе. И остальные девять ждали ее выздоровления, тратя обменные продукты на оплату ночлега, на взятки и на собственное питание. Через месяц группа вернулась в Ялту к голодным семьям с пустыми руками.

Было огромной радостью увидеть в Алупке изумительный Воронцовский дворец. Немцы развезли здесь все полотна передвижной выставки Русского музея, часть фарфора и ковров, но основные ценности дворца-музея спасены его работниками.

Разнежившись на крымском солнце, немецкий комендант Алупки всерьез поверил, что Крым стал немецким навеки. Да и как не поверить: сам фельдмаршал Манштейн получил в дар от Гитлера всё Кичкино в качестве личного имения. Дачи и санатории разбирались генералами, присматривалось подходящее имение для Розенберга, и сам комендант тоже отхватил себе усадебку рядом с Алупкой. Всё как будто устанавливалось прочно, навсегда. И комендант, любитель искусств, решил сохранить для будущих гостей Воронцовский музей.

Дворец был принят им под свое покровительство и объявлен немецким музеем. Комендант даже лично присутствовал при посещениях комиссии, приехавшей из Берлина для отбора ценностей,

достойных храниться в германских музеях. И тут начались трудное время для работников музея.

Они усердно расхваливали комиссии копии, выдавая их за подлинники. Редчайшее полотно английского художника Хогарта «Политик» привлекло внимание берлинского эксперта. Один из работников музея поспешил объяснить, что это копия, — очень хорошая, но все же копия.

— Я думаю, — сказал немец с самодовольной улыбкой, — Если бы это был подлинник, он висел бы в Дрезденской галлерее...

И экспертиза постепенно пошла дальше. В библиотеке немцы отобрали некоторые редкие книги на итальянском и французском языках. Но воронцовское собрание русских книг, а вместе с этим и ценнейшую коллекцию гравюр удалось спасти.

Из библиотеки есть ход в так называемую «железную башню», где и находились эти сокровища. Дверь туда сделана в виде дверцы книжного шкафа. Немцы открыли ряд стенных шкафов. На четвертом, пустом шкафе немцы перестали интересоваться стенными дверцами. Тайна цела в башне...

Но затея генерала-мецената, решившегося сохранить музей для будущих гостей из Германии, не получила одобрения офицерства. Они начали «хозяйничать» своим способом. Капитан Дитман срезал кусок портретного ковра Фед-Али-шаха, висевшего при выходе на львиную лестницу. Мы посоветовали повесить здесь плакат: «Указ-

дено капитаном германской армии Дитманом».

Другой капитан украл из музея французскую бронзу — статуэтку Психеи. Она была установлена на мраморе, и стащить ее незаметно было нельзя. Капитан начал тщательную подготовку к воровской операции. Четыре дня он аккуратно посещал китайскую комнату, где на камине стояла Психея, и старался остаться там один. На пятый день Психея исчезла, а постамент остался. Оказалось, капитан германской армии все четыре дня терпеливо свинчивал крепления статуэтки — и под конец все-таки стащил Психею...

Все побережье — от Феодосии до Севастополя и дальше, у Евпатории — представляет одно и то же зрелище. На пляжах — минные поля, траншеи, проволока, доты, хитрое препятствие из поставленных на ребро санаторных коек, управляемые из дотов фугасы. Это — следы еще одного страха — **страха перед десантом с моря.**

Есть такое английское выражение — «fleet in being» — флот в существовании. Оно означает, что сила флота измеряется не только теми боевыми действиями, которые он ведет, но и самым фактом наличия его на данном море, потенциальной его угрозой. Укрепления на всем побережье Крыма — великолепная иллюстрация к тому, какое значение имел и имеет на Черном море существующий там наш флот. В Крыму немцы везде держали гарнизоны в ожидании возможного десанта. В Румынии и до сих пор порядочное коли-

чество войск сидит в береговых укреплениях в готовности отразить возможный десант.

После взятия Севастополя мы снова проехали по Южному берегу, на этот раз — дорогой через Байдары. Нельзя было покинуть Крыма, не насладившись одним из прекраснейших в мире зрелищ, возвращенным нам победой. У Байдарских ворот мы остановили машину и пошли к ним пешком.

Голубым, фиолетовым, дрожащим маревом распахнулось за каменной аркой море, высокое, как небо, и неотделимое от него. Взгляд, утомленный за часы дороги теснинами ущелий, нависшими скалами, близкой зеленью деревьев, вдруг уходит в ослепительный голубой простор, — и не можешь понять, где в нем начинается небо и где кончается море. С этой огромной высоты оно не лежит, а стоит перед глазами, и глаз не может найти линии горизонта. Если можно где ощутить — почти увидеть — бесконечность, это может быть только **здесь.**

Сколько раз я видел отсюда Черное море, но никогда еще эта мысль не приходила ко мне с такой волнующей ясностью. Бесконечная даль — даль пространства, времени, славы — расстилалась передо мной. Далекие горы невидимых берегов как будто ясно виднелись в дрожащей дымке. Боевые походы славян — предков наших и современников — ожили в волшебных переливах голубизны.

И на низких дубовых челнах, на высоких деревянных кораблях, белеющих громадами парусов, на стройных стальных крейсерах, несомая вперед

и вперед ударами грубых весел, свистом бушующим ветром, рокочущим ночным туманом, — плыла по Черному морю слава русского флота, из века в века, в бесконечность грядущих времен, бессмертная, великолепная и огромная, как само Черное море.

6. СЕВАСТОПОЛЬ

Над всем широким полукольцом фронта, от Северной стороны до Балаклавы, воздух гремит, раскаляется, гудит, перекатывая грохот залпов: идёт артиллерийская подготовка штурма Севастополя. Снаряды тяжко шелестят над головой, беспрерывно и бесконечно. — И временами кажется, что мы находимся под сплошным металлическим сводом, перекинутым от наших огневых позиций к переднему краю немцев.

На гребне дальней высоты, длинным горбом выгнувшейся перед наблюдательным пунктом, вдруг вырастает высокий и частый лес: у правого края гребня одно за другим быстро встают в ряд фантастические деревья из земли и дыма. Стена дыбом ещё стоит над немецкими дотами и траншеями, покачивая свою широкую черную листву, а рядом с ней, продолжая ее, уже прорастает на гребне новый лес, — и не успевает он слиться в сплошную пелену, когда еще левей вновь взвиваются к небу тесным и точным рядом черные дымы.

Это гвардейские минометы дали по высоте 232.0 три последовательных залпа. На минуту-полторы общий гул стрельбы заглушается их плотным роко-

том, как будто длинная очередь пулемета, бесконечно увеличенного в звуке и в разрушительной силе, простучала рядом.

К исходу первого часа весь горизонт перед нами уже неразличимо затянут дымом и пылью разрывов. Темные облака всё выше встают над горами, отделяющими нас от Севастополя. Гроза разразилась над немцами — гроза гнева, расплаты, возмездия.

В начале войны Севастополь дал Родине драгоценные восемь месяцев задержки немецкого наступления. Оттягивая на себя войска, предназначенные немцами для удара через Керченский пролив на Кавказ, продолжая оставаться в их тылу опаснейшим плацдармом и угрозой, Севастополь выигрывал в войне время, так нужное Родине для подготовки встречного удара. Моряки и красноармейцы держали Севастополь, а далеко от них, в глубине огромной нашей страны, на Урале, в Сибири, в Средней Азии, разворачивалась военная промышленность, ковалось оружие победы.

И вот во всей великолепной мощи оно пришло сюда — оружие, созданное Родиной за два года разлуки с Севастополем. Оно пришло освободить героический город, чья самоотверженная борьба помогла рождению этого оружия. Густой бас тяжелых орудий и оглушающие хлопки штурмовой артиллерии, яростная скороговорка гвардейских минометов, ураганный вой стремительных «ИЛ'ов» и низкое гуденье бомбардировщиков, прерываемое тяжкими плотными ударами бомб... Если б люди,

которые великим своим трудом бойцов глубокого тыла создали это оружие, могли бы увидеть его вот так — всё разом, в общем согласном действии, в могучей силе одновременного удара!.. С какой гордостью и удовлетворением слушали бы они этот голос победы, подготовленный их собственными руками!

Позже, на скатах Сапун-Горы, мы увидели следы этой прошумевшей грозы. Все три километра склона были изрыты, всё было в свежих огромных ямах. Земля здесь вся перевернута травою вниз. Сперва нас поразило малое количество трупов — мы знали, что вся гора была занята немцами. Но, бродя по склону и натыкаясь на торчащие из земли руки и ноги, на стволы орудий, заваленные камнями, на прутья арматуры дотов, которые выглядывали из желтой ямы причудливыми букетами засохших, перепутавшихся ветвей, — мы поняли, что здесь видимых следов ожидать не следует: между двумя соседними воронками было едва три-четыре шага нетронутой металлом земли...

Только так и можно было прорвать сильнейшую оборону немцев на Сапун-Горе, как, впрочем, и в других узлах сопротивления. Если бы не удалось добиться такой плотности, силы и меткости огня, то при первой же нашей атаке исправно отработали бы все минные поля, и все немецкие доты, дзоты, щели, огневые точки встретили бы атакующих ливнем свинца. За Сапун-Горой мы зашли в оставленный бежавшими немцами бетон-

ный дог. Он живо напомнил мне доты линии Маннергейма: такие же толстые стены, броневые укрытия, узкие амбразуры, таблицы пристрелянных до метра рубежей, солиднейшее убежище в нижнем этаже... Сила такой крепости, на которую немцы потратили два года труда, могла быть раздавлена только прямым попаданием.

Однако это не значит, что после такой блестящей артиллерийской подготовки нашей пехоте оставалось лишь пройти триумфальным маршем: высота Безымянная, расположенная возле Сапун-Горы, встретила батальон Дебальцевского полка жестоким огнем, и там, спасая от него товарищей, рванулся на амбразуру дота красноармеец И. Афанасьев. Он был убит, но тело героя закрыло амбразуру — **и рота прорвалась...**

Словно какая-то сила восторга, торжества и жажды окончательной победы несла людей на траншеи, доты, на орудия и пулеметный огонь отчаянно сопротивлявшегося врага, несла вперед — к Севастополю. Последние километры до него наши передовые части прошли одним рывком, за несколько часов, — штабы не поспевали отмечать продвижение частей. К середине дня 9 мая войска ворвались в город. Начались уличные бои.

Они закончились к ночи, а рано утром мы пробирались к Севастополю, лавируя на машине по шоссе между войсками, орудиями, танками. Все это стремилось к Херсонесу для последнего расчета с немцами — там, на мысу, вдающемся в море, у немцев был подготовлен последний рубеж

для прикрытия посадки на плавучие средства. Обогнать эту лавину было невозможно. Мы оставили машину и пошли пешком.

С жадностью я всматривался в медленно раскрывающуюся передо мной картину великого города. Раннее солнце сияло на небе, по-утреннему бесцветном, и вода бухты, не отражая еще яркой синевы, блестела светлой гладью. Справа на скалах лепились крохотные домики Корабельной стороны, зияющей темными пятнами сгоревших кварталов; лишь изредка радовали глаз целые крыши и садики. Слева, на зеленой высоте Исторического бульвара, виднелось здание панорамы севастопольской обороны. Издали оно казалось целым, но обугленный каркас купола чернел на небе острыми прутьями, торчащими, как иглы тернового венца,— эпоха страдания и мук. У выхода в море бессмертным видением флотской славы вставал из воды старый Константиновский равелин. Черный дым покачивался над центром города высоким столбом. Гудели в небе штурмовики, идущие на Херсонес, грохотала за Рудольфовой горой артиллерия, добивая там немцев. На высоких развалинах алели флаги, поставленные ворвавшимися ночью в город первыми нашими бойцами.

Всё это навсегда запоминалось на медленном шаге. Торжественное раздумье волновало сердце. Каждый камень передо мной был дважды полит русской кровью его защитников.

Если бы я поддался чувству, я стал бы на колени и земным русским поклоном поклонился бы

великому городу двух сборов, мученику двух осад, огромной могиле тысяч героев, братьев моих по морю, по чести, по оружию.

Шоссе спустилось в Лабораторную балку, и первые севастопольские дома, лепясь по горе, встретили нас. Тут, неподалеку от вокзала, в кювете шоссе, мы увидели первого немца, убитого в уличном бою.

Он лежал в пыли и ничтожестве, навзничь, в зеленом своем лягушачьем одеянии. В левой его руке был зажат автомат, в правой — курица. Хозяйка домика, увидев, что мы с удивлением рассматриваем эту карикатуру, неожиданно воплотившуюся в действительность, пояснила:

— Это, как к вечеру стрельба пошла, он заметался, схватился бежать, — заскочил к соседке на двор, ухватил курицу — и вниз... Тут его наши и подстрелили...

Мы пошли дальше, дивясь на это свидетельство неистребимой тяги к грабежу, пересиливающей в немцах страх.

Вокзал открылся перед нами грудой камней, щетиной дыбом вставших рельс, длинными рядами вагонов с фашистским гербом — холодильники, пассажирские, товарные, платформы... Десятки их были сброшены немцами в море, но эти остались.

В бухте за вокзалом, накренившись, стоял плавучий кран, взорванный немцами, а за ним — по всему берегу бухты — торчали из воды мачты и трубы, мостики и надстройки немецких кораблей, потопленных бомбами наших летчиков. Черными

обломками стен виднелся на берегу разрушенный порт, и группы наших бойцов уже тушили пожар большого склада.

Знакомой дорогой над бухтой мы поднялись от вокзала к улице Ленина. Совинформбюро два года назад сообщало: «За все 8 месяцев обороны Севастополя враг потерял до 300 000 своих солдат убитыми и ранеными. В боях за Севастополь немецкие войска понесли огромные потери, приобрели же — руины».

Да, это так. Одни руины, оставшиеся после бомбардировки немцев в мае — июне 1942 года. Мы прошли все главные улицы города — и не видели ни одного целого дома. Только два — водная станция «Динамо» и санаторий имени Сталина вблизи нее — похожи на дома. Все остальные здания разрушены. Дом Красного Флота, библиотека, театр, Исторический музей, новое кино, гостиницы «Интурист», «Франция», «Приморская», штаб флота, чудесный дворец на горе — филиал ДКФ, огромный Дом подводников, Сеченовский институт, Дом специалистов на улице Карла Маркса — всё это или торчащие стены, или просто высокие груды камней.

С волнением подходили мы к Приморскому бульвару. Я искал глазами вздымающуюся из воды белую колонну, с которой орел осеняет широкими крылами бухту — памятник погибшим кораблям, затопленным черноморцами в первой осаде. За деревьями бульвара вздымался тот огромный столб дыма, который был виден еще издали, —

у берега горел танкер, подорванный нашей авиацией и прибившийся к бульвару. Памятника не было видно, и горькое чувство кольнуло меня.

Но внезапный порыв ветра сильно качнул облако дыма — и на мрачном его фоне великолепно и празднично просияла стройная белая колонна. Она прорезала черный немецкий дым светлым видением несокрушимой, неуничтожаемой силы. И на миг мне показалось, будто я вижу, как из руин и дымов, из развалин и пожарищ вновь встал над бухтой прекрасный город — целый, великолепный, в зелени и в цветах, живой и счастливый город-герой, воспитавший два поколения верных сынов отчизны — севастопольцев.

Так будет. Кончится война — и Родина восстановит Севастополь, колыбель мужества, верности и славы, во всей его величавой красе, и памятники героям второй обороны встанут на высоких скалах над Черным морем, и здание панорамы второй Севастопольской обороны займет другую высокую гору, и венец двойной славы осенит Севастополь.

Но сегодня...

Сердце сжимается при взгляде на город. Отвратительные следы немецкого сапога оскверняют великие могилы. Против Сеченовского института физических методов лечения — изуродованного, разрушенного, взывающего к мести печальным видом обезглавленных снарядами статуй — стоит аппарат дымовой завесы, баллон, манометр. Рядом немецкая надпись: «Не приближаться, ядовито!» Это же предупреждение повторено на румынском

языке. Русского перевода нет: не беда, если русский человек и отравится просачивающимся из баллона газом.

Для русских — другие надписи. У Владимирского собора, стена которого развалена снарядом, стоит на углу разрушенной улицы плакат-окрик: «Кто пойдет дальше, будет застрелен. Портовый комендант». Здесь начиналась запретная зона — Карантинная бухта, Рудольфова гора: там было несколько уцелевших зданий, в которых жили немцы.

Возле этого плаката мы встретили двух седых женщин, и от них мы впервые услышали то, что после подтверждали все встреченные нами редкие жители Севастополя.

Начиная с 25 апреля по кварталам Зеленой горки, Воронцовой горы, Корабельной слободки, где в уцелевших маленьких хатках только и жили севастопольские семьи, начали ходить с облавой немцы. Заходили в дома с короткой командой: «Вег! Вег!»... Забирали всех подряд: стариков, женщин, детей.

Их отвели в Стрелецкую бухту и начали грузить на баржи и транспорты — на палубы. В трюмы же пошли немцы. Русским объяснили: «Когда летчик будет бомбить — машите платками, показывайте детей, плачьте, кричите!»...

Так немцы, терпя от нашей авиации и торпедных катеров большие потери в караванах, прибегали к чудовищному способу маскировки. Мы знаем случаи, когда немцы гнали перед собой в

спину русских женщин и детей, прикрываясь ими от нашего огня. Но эта маскировка не снимет с себя [illegible] их подлости.

И это преступление немцев надо записать на их кровавый счет...

Из разговоров с севастопольцами мы узнали, что в городе всё время выходила подпольная газета «За Родину». Её издавали преданные нашим советским люди. Но о газете слышали все, и те, кто сам не читал её, получали новости из уст других. Все события войны — победа под Сталинградом, наше зимнее наступление, прорыв в Крым, — всё было известно севастопольцам. Мы встретили женщину, которая через [illegible] управления водоканалом доставала бумагу и передавала её для газеты знакомому, а тот уже отдавал «неизвестно кому». В строгой тайне выходило несколько экземпляров газеты. В той массе клеветы и лжи, которой немцы пытались отравить сознание советских людей, правдивое слово в газете, самое напоминание о Родине было полно огромной значимости. Оно стоит подвига на фронте. И делу этому лучшие люди Севастополя отдали свои жизни: 10 апреля немцы расстреляли шесть подпольщиков-коммунистов...

Вечером 10 мая в Севастополе был салют. Это был торжественный салют победителей — героев армии [illegible]. В небо взвивались ракеты одна за другой целый час подряд. По небу чертили огненные трассы. Где-то бухали орудия. На гребне холма против домика, где мы расположились

почувать, мы увидели даже черные разрывы, вздымавшиеся на бело-красно-зеленом фоне ракет: кто-то за неимением ракет рванул на радостях парочку-другую трофейных гранат...

В ту ночь немцы еще держались на Херсонесском мысу, пытаясь грузиться на последние транспорты и баржи. Оттуда доносился другой салют: их бомбила наша авиация, обстреливала артиллерия. И я подумал, с каким чувством отчаяния и безнадежности смотрят немцы из своих дотов, из траншей, с пристаней на сияющий огнями **город победы.**

Мы гнали их из Севастополя, мы добивали их остатки на мысу. Черное будущее приоткрыло перед ними завесу. Настанет день, и они так же будут цепляться за тот последний кусок земли, который будет еще в их руках, а мрачная бездна гибели будет ожидать их так же неотвратимо, как ждало их в тот вечер глубокое Черное море за **последней линией траншей.**

Свидание мое с Севастополем было кратко. Мы должны были покинуть его. Утром перед отъездом я поднялся на гору в центре города — к собору, на разрушенных стенах которого уцелели мраморные доски с именами черноморских адмиралов, защитников Севастополя в первой осаде: Нахимов, Истомин, Лазарев, Корнилов.

Я был здесь один на один с великим городом. Бухта синела внизу. Море уходило в бесконечную даль. Севастополь сбегал к нему ступенями лестниц, развалинами домов, садами, бульварами.

Всюду, куда хватал глаз, виднелись одни руины — рассыпавшиеся дома, недвижные трупы кварталов. Зелень листвы пробивалась в мостовых, одичавшая сирень лиловела в камнях.

В благородном молчании доблестной воинской смерти лежал передо мной великий город Черноморского флота, уничтоженный немцами, но не сдавшийся. Я смотрел на его руины и думал о том, что дивная слава Севастополя будет вечно жить в сердцах людей.

Город на скалах — он сам стоял в двух оборонах, как скала. Город у моря — он сам несет в себе душу моря, бессмертную, гордую и отважную. Город южного солнца — он сам сияет в веках слепительным блеском военной доблести.

И вот что осталось нынче от него: скалы, море да солнце. Да бессмертная слава, которая возродит эти груды камней.

Торжественная могучая тишина истории плывет над развалинами — истории, созданной моими прадедами и творимой моими современниками. Дыхание веков проносится над городом, унося в будущее двойную славу Севастополя, славу двух оборон.

И в отблеске этой славы я вдруг ощутил собственное бессмертие. Оно лежало на моей груди круглой пластинкой бронзы на светлозеленой ленте. Я был один здесь на горе: я снял с груди свое бессмертие и поцеловал его — севастопольскую медаль, которой Родина приобщила меня к бессмертной славе бессмертного города.

Никогда с такой силой не ощущал я счастья и гордости принадлежать к великому народу, жить в великой эпохе и быть свидетелем великих дел. На высоком холме разрушенного Севастополя в час его освобождения, в день возрождения его к жизни я с необычайной ясностью понял это.

Из-за одного такого мгновения стоит жить.

Сладостен миг победы. К ней, к победе, друзья! Все силы для нее, все мысли, все чувства.

К победе, друзья, — с великим Сталиным, с великим народом!

— ★ —

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
1. Лицо родной земли	1
2. В Одессе	11
3. Гнилое море — Сиваш...	22
4. На подступах к Севастополю	31
5. На Южном берегу	40
6. Севастополь	52

Редактор Рахм Е. Р.
Технический редактор Шевченко Г. И.
Корректор Каминская М. С.

Г5522С6. Подписано в печати 14.6.44. Изд. № 173. Объем 2 п. л. 2,19 уч.-авт. л. В 1 п. л. 44 600 тип. зн. Зак. 366.

Набрано в 1-й типографии Управления Воениздата НКО имени С. К. Тимошенко

Отпечатано в 3-й типогр. «Красный пролетарий» треста «Полиграфкнига» Огиза при СНК РСФСР, Москва, Краснопролетарская, 16.

Цѣна 80 коп.